

Помню, еще в студенческие годы на семинарах по истории искусств меня особенно привлекала жизнь тех художников, творчество которых было связано с военными походами, морскими, археологическими экспедициями, путешествиями, таких, как В. Верещагин, К. Коровин, Э. Делакруа, Р. Кент...

В некоторой степени мне удастся воплощать в своей жизни такие творческие идеалы. В составе клуба «Victoria Artis» объездила деревни Ленинградской области, еще хранящие элементы традиционного быта славянских и финно-угорских народностей. Несколько пленэров провела на Приполярном Урале в национальном заповеднике «Югид Ва».

Во время творческой поездки пленэра по Гдовскому уезду познакомилась с начальником базы научно-экспедиционного флота ААНИИ Аркадием Михайловичем Сошниковым. Эта встреча послужила началом моего знакомства с миром полярников. У меня появилась возможность осуществить мою давнюю мечту — побывать в краю вечных снегов и айсбергов. Валерий Владимирович Лукин — начальник Российской антарктической экспедиции — пошел навстречу моим творческим планам. Через год (в 2012 году) должно было состояться мое путешествие. Тогда мне пришла в голову мысль, что серию портретов наших современников — российских полярников — я могу начать прямо сейчас. И вот начальник РАЭ сидит за рабочим столом в белоснежной рубашке, позади него карта Антарктиды с отмеченными на ней российскими станциями; рука его не расстается с телефоном, на проводе — Антарктида. Все звонки связаны с решением проблем, относящихся к работе и жизни русских полярников на шестом континенте. За окном — Петербург. Живая непрерывная связь Антарктиды с Большой землей осуществляется здесь, в кабинете Валерия Лукина. Портрет сложился сам собой. Когда я закончила графический вариант, оказалось, что линии развития композиции на картине совпадают с очертаниями антарктического материка.

В декабре 2012 года на самолете я отправилась в Антарктиду на российскую научную полярную станцию Беллинсгаузен, которая расположена на острове Ватерлоо (Кинг Джордж). Когда мы пролетали над одним из Южных Шетландских островов, внизу под облаками открылась великолепная картина — золотистое сияние снегов и айсбергов в окружении всех красок синего спектра, от бирюзовой до фиолетовой, разлитых в прозрачном горизонте, морской глубине и тенях, отбрасываемых на снег неспокойным рельефом острова. У меня захватило дух. Именно так я и представляла себе эту «терра инкогнита»!

В аэропорту на острове Ватерлоо среди оживленной публики встречающих разных национальностей трое выделялись своей устойчивой монументальностью. Русские! Встретили меня очень тепло. О! Я сразу себя почувствовала дома после недели вынужденного молчания в одном из отелей Пунта-Аренас, где туристы всех стран общались между собой на английском. Вскоре после посадки самолета синее небо стало затягиваться облаками, и в дальнейшем такие солнечные дни были уже редкими гостями на нашем острове.

В Антарктиду я попала в «разгар» антарктического лета. В самые теплые дни температура воздуха не превышала +10 °С. Признаюсь, что до этой поездки я и не подозревала, что Южный полюс намного холоднее Северного. Полярная станция Беллинсгаузен находится на 62° 12' южной широты. В Северном полушарии примерно на такой же широте лежит Приполярный Урал. Однако, в отличие от разнообразной многоцветной растительности Северного Приполярья, местный ландшафт представляет собой довольно унылую картину —

В.В. Бахерт. Портрет В.В. Лукина.

серая каменная почва, неяркие зеленые островки мхов и лишайников, и только солнечные дни добавляют в эту скупую палитру индиговый цвет воды и неба. Уникальный животный мир побережья Антарктиды связан с океаном — единственной кормовой базой представителей местной фауны: пингинов и тюленей, питающихся крилем и рыбой; поморников и альбатросов, питающихся рыбой и, увы, пингвинятами. Наземных животных здесь нет. Но сколько удивительного и неожиданного таит в себе антарктическая природа!

Снег, как чистое зеркало, отражает все нюансы вечернего, утреннего освещения, днем, подобно линзе, он преломляет свет в бирюзовое свечение. С приближением середины лета природа начинает меняться. На белоснежных склонах появляются зеленые и красные полосы, словно следы, оставленные гигантской кистью. Никак не могла понять, что это такое? Оказалось, это цветение снега! В скором времени из-под белой земной поверхности начинают появляться хризолитовые потоки талой воды из горных озер. Между российской и чилийскими станциями, зимой практически сливающимися в одну, побежит мощный и веселый труднопроходимый ручей, наполненный красными букашечками — дафниями. Так что к весенне-летнему чаепитию здесь обязательно прилагается закуска из планктона — водяных блох. Ничего не поделаешь. По преимуществу облачное небо не сразу позволило мне заметить, что солнце движется по небосводу в обратную сторону. Только через месяц я поймала себя на том, что во время этюда все время разворачиваюсь за солнцем вместе с этюдником через левое плечо. И месяц здесь убывает и растет в обратном направлении. А в редкие безоблачные ночи в небе открывалась совсем другая часть космоса, незнакомая.

Морские птицы-поморники почти бесшумно пролетают мимо, оставляя в воздухе тихий шорох крыльев. Во время сильного ветра они неподвижно зависают перед тобой, словно приколоченные к воздуху, и напоминают тем самым, что, в общем-то, они тоже хотят есть. Поначалу я их очень боялась. Стоило мне выйти из вагончика, как одна из птиц покидала свой «дозорный пункт», находящийся метров за 200 на какой-нибудь высокой точке, и пикировала на меня. Не раздумывая, я падала на колени, закрывала голову руками и начинала

Очень хорошо запомнился день, когда я в первый раз осталась одна на острове Ардли — месте гнездовья пингвинов.

кричать. Вероятно, одной из птиц это показалось забавным, и мой выход уже больше не оставался без внимания. Без откупа в виде котлеты, на худой конец, хлеба мне нельзя было появляться. Через некоторое время я научилась распознавать своего «пернатого друга». На орнитологическом кольце на лапке у него значилось «VL». Я назвала его Володей. Володя сторожил меня на тропинке из кают-компаний в мой вагончик, на камбуз. Если я проходила мимо с пустыми руками, он как-то бочком подпрыгивал за мной и старался ухватить за пояс, свисающий у меня почти до земли. В конце концов с досады клевал меня за ногу либо на лету задевал клювом голову. Удивительно, что мне понадобился почти месяц, чтобы из пяти птиц, обитающих на территории станции, научиться распознавать Володю, в то время как ему не стоило никакого труда узнавать меня с больших расстояний в группе из 30 человек, одетых в одинаковые комбинезоны. Поморники очень умные птицы и забавные, когда к ним немного привыкнешь. Полярники ласково называют их «собаками», потому что они охотно идут на контакт с человеком. Частенько поморники без всякой видимой причины сидели под лестницей, ведущей на камбуз, и с любопытством разглядывали снизу снующих по ней полярников. Цель такого их времяпрепровождения так и осталась для меня загадкой.

Как-то на острове Ардли пернатые хищники оставили меня голодной. Не только стащили мой завтрак, но и умудрились по-тихому его съесть у меня под носом. А я ни о чем и не ведала, пока другую пару хищных птиц не привлек этот славный кутеж. У птиц начался оживленный спор. Не сразу до меня дошло, что весь шум-гам поднялся из-за моих бутербродов.

Очень хорошо запомнился день, когда я в первый раз осталась одна на острове Ардли — месте гнездовья пингвинов сразу трех видов: полицейских, ослиных и аделей. Поверхность острова испещрена пингвиними экскрементами, поэтому издали остров имеет розовато-телесный цвет, в отличие от окружающих его островов, серо-коричневых. Наши полярники высадили меня у края птичьей колонии. Как только лодка отчалила, взрослые особи ослиных пингвинов обступили меня плотным кольцом и, агрессивно размахивая крыльями, стали возмущенно на меня «кричать», широко разевая тонкие длинные клювы. Я беспомощно оглянулась. Вокруг только бесчисленные черные точки пингвиних тел, и над ними великолепно-безучастные гигантские альбатросы. Тем временем к кружку скандалистов со всех сторон сбегались все новые участники. Недвижно я стояла в центре этого круга, осыпая пингвиними оскорблениями, пристыженная своим непрошеным вмешательством, как Гулливер в стране лилипутов. «Еще немного, и они нападут на меня, и здесь, на этом дивном острове, закончатся мои дни», — обреченно думала я. К моему счастью, вскоре пингвины стали расходиться, видимо решив, что я получила сполна. Я осторожно рас-

Ко мне по одному, по два стали осторожно приближаться пингвинята-подростки — едва оперившиеся птенцы.

ставила этюдник и начала писать. Странно, но сколько потом при мне на острове ни появлялись другие люди — орнитологи или моряки — птицы не реагировали на них так бурно. Некоторое время я писала спокойно, но, немного погодя, ко мне по одному, по два стали осторожно приближаться пингвинята-подростки — едва оперившиеся птенцы с остатками длинного пуха на голове, в виде прически ирокез. Мучимые страхом и любопытством, они поставили перед собой нелегкую задачу: успеть подбежать ко мне сзади, пока я не повернулась, и испробовать на вкус ножки моего этюдника или кисточки, валяющиеся в стороне. Самые смелые пытались попробовать мои сапоги. Была у них еще одна задача, правда, не такая опасная, как первая, — полежать на моем рюкзаке, спасательном жилете или разбросанных запасных холстах. На рюкзаке лежать было неудобно, пингвинята все время скатывались на землю на своих гладких пузиках, но упрямо залезали обратно и снова скатывались... К третьему или четвертому моему визиту на остров пингвины-подростки так осмелели, что без стеснения вытягивали кисточки прямо из этюдника. Мне даже показалось, что с одним пингвиненком я подружилась. Каждый раз, когда я приезжала на остров, он подходил со мной поздороваться.

Мое впечатление о человеческих взаимоотношениях в Антарктиде — это бережное отношение друг к другу (несмотря на иногда возникающие шероховатости), что в суровых условиях особенно ценно. И это не только в пределах одной станции, но и между всеми исследовательскими базами, расположенными на острове, а их здесь более десяти: чилийские, уругвайская, аргентинская, корейская, китайская, а также сезонные станции других стран. Тут существует негласная договоренность помогать друг другу знаниями, техникой... всем возможным. Начальнику нашей станции Беллинсгаузен Олегу Сахарову могли позвонить в любое время суток, и он тут же отправлялся на помощь. Случалось, и нам было не обойтись без помощи соседей. Ученые разных стран плотно сотрудничают друг с другом в процессе проведения исследований. Одновременно со мной на станцию прибыли немецкие орнитологи из Йены — профессор и студенты. Затем приехали болгарские бриологи (бриология — отдел ботаники; наука о мхах), испанские гляциологи. Большинство сотрудников станции, независимо от рода деятельности, осуществляемой ими, это люди с высшим или специальным образованием. И здесь заведено такое правило — каждую пятницу кто-нибудь из полярников проводит лекцию на близкую ему тему. Однажды русская гостья с соседней чилийской станции Марина Степанова — профессор физики, «бриллиант» физики, как ее называют в Чили, — читала нам лекцию о полярных сияниях. Очень интересно и познавательно.

Метеоролог Виталий Болдин поведал нам о том, что атмосферные процессы над Южным океаном влияют на погоду

Открытие выставки «На краю земли».
В.В. Бахерт и П.И. Задиоров.

Директор Русского музея В.А. Гусев и В.В. Бахерт
на открытии выставки «На краю земли».

всего земного шара. Поэтому это место и называют «кухней погоды». Многие из услышанного было для меня открытием. Я тоже старалась внести свой вклад и разнообразить досуг полярников — вела кружок рисования.

Целый год на нашей станции зимовала Любовь Курбатова — научный сотрудник Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН. Она изучает антарктическую растительность: какие виды мхов и лишайников характерны для острова, какие являются редкими. Любе удалось обнаружить новые растительные сообщества, ранее никем не зафиксированные. По окончании экспедиции собранные образцы Люба привозит коллегам — биохимикам, молекулярным биологам, зоологам. В своих лекциях Люба рассказывала, как по реликтовым мхам изучают климатические изменения, также по мхам можно судить, как образовывался и как отступал ледник. Также на ее лекциях я узнала, что более 50 млн лет назад, до начала оледенения, шестой континент был покрыт огромными деревьями семейства нотофаговых. Нотофагусы до сих пор растут в лесах Южной Америки. На материке и по сей день находят образцы пород с отпечатками ископаемых растений и даже животных. Около аэропорта на чилийской станции стоит огромный камень, но, если приглядеться, это — окаменевший древний пеня.

Мне со своими творческими планами вписаться в ритм научной станции было нелегко. Спасибо Олегу Сахарову и полярникам нашей станции, которые во всем возможном шли мне навстречу, оказывали помощь. Однако с некоторыми трудностями все же приходилось сталкиваться. Например, на остров Ардли пройти пешком можно было только по косе, которая обнажалась во время отлива и всего лишь на несколько часов в течение 3–4 дней один раз в месяц. В другое время на остров можно было попасть только на лодке. Приходилось все время следить за календарем и «караулить» сильные приливы и отливы, а также учитывать график работы лодки и прогноз погоды. Тяжело было добираться на этюды по рыхлому снегу по холмам с этюдником в тяжелом непродуваемом комбинезоне и сапогах 45 размера. Большие сложности доставлял ветер. Частенько он опрокидывал этюдник с холстом. Однажды опрокинул и меня. Дунул с такой силой, что перевернул меня через голову. Еще дополнительную трудность создавали все те же поморники. Нельзя было на пять минут без присмотра оставить палитру. Тут же склеивали красные краски. Воровали всякую мелочь: очки, перчатки...

И тем не менее как же мне повезло! Участие художника в научных экспедициях в качестве иллюстратора событий и научных открытий — исторически сложившаяся традиция, существовавшая вплоть до середины XX века. С появлением фотоаппарата потребность в документализации событий средствами изобразительного искусства отпала. Но главное назначение живописи — передать ритм и вибрации жизни, движение времени — актуально и по сей день. На острове

Ватерлоо состоялась первая выставка моих антарктических работ на празднике в честь Дня основания станции Беллинсгаузен. На тот момент я смогла представить около 20 работ. Зрителями были гости со всех близлежащих станций. Во время этой выставки я, пожалуй, впервые поняла, насколько неравнодушно и с каким пониманием эти сильные и мужественные люди-полярники относятся к искусству. Эта была та ценная для художника ситуация, когда зритель становится соавтором картины.

Через два с половиной года после моей поездки мне наконец удалось подготовить выставку, в которую вошли все работы, созданные в Антарктиде. Выставка была посвящена 195-летию со дня открытия Антарктиды и проходила в здании ААНИИ. В качестве почетного гостя на открытии экспозиции присутствовал директор Русского музея Владимир Александрович Гусев, который в 2014 году тоже посетил станцию Беллинсгаузен. Его визит на остров Ватерлоо был связан с открытием второго виртуального филиала Русского музея на российских антарктических станциях. Общение с искусством помогает полярникам преодолеть суровые условия антарктической зимовки, в которых человек полностью оторван от привычного мира. В единении научного, духовного и художественного начал — сила и полнота культуры. В древние времена образ культуры отождествлялся с триединством Истины, Добра и Красоты.

Название выставке «На краю земли» дала работа с изображением храма Святой Троицы — самого южного русского православного храма, расположенного в окрестностях станции Беллинсгаузен.

Русские первопроходцы при освоении новых земель отмечали форпосты на самых дальних открытых или завоеванных рубежах строительством церквей. Антарктида была открыта русскими мореплавателями Беллинсгаузенем и Лазаревым. И вполне закономерно, что на антарктическом материке, пусть и два столетия спустя, появился построенный в стиле русского деревянного зодчества православный храм в честь Пресвятой Троицы, являющийся приходом Троице-Сергиевой лавры. Тут не могу не сказать о человеке, благодаря которому стал возможен этот исторический шаг. С Петром Ивановичем Задиоровым я имела счастье познакомиться в Санкт-Петербурге на открытии выставки «На краю земли». Петр Задиоров — человек редчайшей мужественной профессии — парашютист-испытатель. Кроме того он глубоко верующий человек. По его инициативе, с благословения Патриарха всея Руси Алексия II, при участии истинных патриотов России был воздвигнут этот православный храм на краю земли. Церковь Святой Троицы плодотворно участвует в жизни станции. Каждое воскресенье совершается служба священнослужителями Троице-Сергиевой лавры. В период моего пребывания на станции в храме служил диакон Палладий, теперь уже священник. После служ-

бы он приглашал полярников к себе на чай. Иной раз до самого обеда мы не могли покинуть его гостеприимный балок. Воскресное чаепитие перерастало в философские беседы, что служило отдохновением в напряженном ритме полярных будней.

Когда я впервые увидела церковь Святой Троицы, меня поразило то, как она естественно и одновременно сверхъестественно пребывала в окружавшем ее пространстве дикой антарктической природы. Серебристый цвет алтайского кедра и цвет антарктического грунта, характерные очертания русско-го деревянного зодчества и линии рельефа острова настолько созвучны друг другу, что кажется, церковь вырастает из этой суровой земли. Сказочное впечатление!

В той знаменательной первой русской антарктической экспедиции (1819–1821 годов) участвовал художник Павел Михайлов, в задачи которого входило зарисовывать вновь открытые острова, виды городов и поселений, изображать образцы флоры и фауны, «чтобы все представляемое было верным изображением видимого». В 2013 году, по возвращении из Антарктиды в Санкт-Петербург, я успела попасть на художественную выставку Павла Михайлова, которая проходила в Михайловском замке. Необычно и радостно было на другом конце земли в рисунках 200-летней давности узнавать далекие и уже ставшие родными антарктические пейзажи. Многие в них остались неизменными до сих пор.

В.В. Бахерт (член Союза художников России)

ПЛАВАНИЕ А. ДЕ БРЮЙНЕ К ЗЕМЛЕ ФРАНЦА-ИОСИФА В 1879 ГОДУ: МНИМЫЕ ОТКРЫТИЯ И РЕАЛЬНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

В XX веке в отечественной полярной историографии получило распространение мнение о том, что первооткрывателем о. Гукера — одного из крупнейших островов южной части Земли Франца-Иосифа — следует считать голландца Антониуса де Брюйне (1842–1916), посетившего архипелаг в 1879 году. Впервые данное утверждение появилось в статье В.Ю. Визе «Краткий исторический обзор исследования Земли Франца-Иосифа», опубликованной в 1930 году. Журналист Б. Громов в своей книге «Поход “Седова”», освещающей подробности советской экспедиции на Землю Франца-Иосифа в 1929 году, также назвал де Брюйне первооткрывателем о. Гукера. Вне всякого сомнения, данная информация была получена им от того же В.Ю. Визе, также участвовавшего в плавании 1929 года. Интересно, что норвежец Гуннар Хорн в своей монографии, посвященной ЗФИ и увидевшей свет одновременно с работами Визе и Громова, весьма сдержанно оценил достижения голландца.

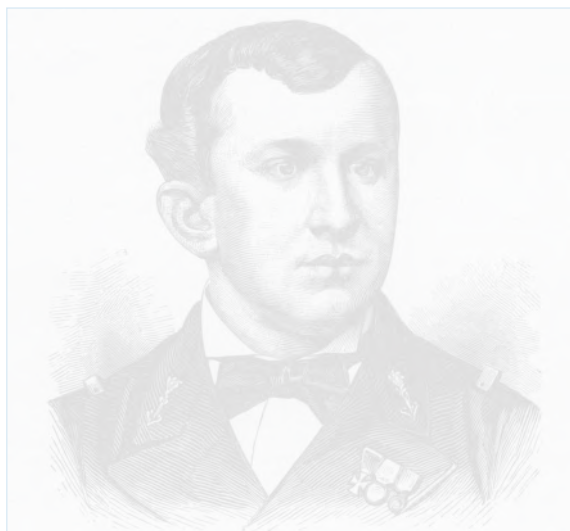
Сам В.Ю. Визе отмечал, что на заре своей полярной карьеры считал первооткрывателем о. Гукера шотландца Бенджамина Ли Смита. По признанию советского полярника, изменить точку зрения его заставило изучение «даваемой Де Брюйне карты южного побережья Земли Франца-Иосифа». В.Ю. Визе был так уверен в своих новых выводах, что впоследствии приводил их в многочисленных переизданиях своей самой известной работы «Моря Советской Арктики».

О самой голландской полярной экспедиции 1879 года в России известно мало. В монументальном труде И.П. и В.И. Магидовичей «Очерки по истории географических открытий» А. де Брюйне назван «Де Брейном», а его экспедиция отнесена к 1887 году. Несмотря на краткость упоминания, авторы вновь назвали голландца первооткрывателем о. Гукера. Наконец, последняя по времени работа Л.М. Саватюгина и М.В. Дорожкиной «Архипелаг Земля Франца-Иосифа: история, имена и названия» (СПб.: ААНИИ, 2012) отражает ставшую традиционной точку зрения В.Ю. Визе.

Чтобы окончательно разобраться в этом вопросе, необходимо уделить плаванию А. де Брюйне более пристальное внимание.

К середине XIX века Голландия утратила статус ведущей мировой морской державы, что весьма удручало передовых офицеров ее военно-морского флота. К числу таковых относился Лоренс Рейнхарт Кольманс-Бейнен, родившийся в Гааге в 1852 году и в 19 лет поступивший на военно-морскую службу. Молодой офицер мечтал возродить дух подвигов среди сослуживцев и видел наилучший путь к этому в организации исследовательских экспедиций в неизведанные уголки планеты. Кольманс-Бейнен сумел увлечь своими идеями голландского канцлера, в прошлом военного моряка и гидрографа, контр-адмирала М.Г. Янсена. Последний добился для Кольманс-Бейнена разрешения участвовать в двух британских арктических экспедициях на судне «Пандора» в 1875–1876 годах (обе под командованием Аллена Янга). По возвращении молодой моряк прочел ряд лекций, способствовавших пробуждению в голландском обществе интереса к полярным исследованиям. В результате в стране был организован Арктический комитет и начат сбор средств на экспедицию. 1 декабря 1877 года на стапеле государственной верфи в Амстердаме был заложен киль экспедиционного судна — двухмачтовой гафельной шхуны, получившей имя «Виллем Баренц».

Л.Р. Кольманс-Бейнен.

Корабль был спущен на воду 6 апреля 1878 года, его первым командиром назначили лейтенанта I класса Антониуса де Брюйне. Шхуна имела скромные размеры, но отличалась добротностью и продуманностью конструкции. При длине 25 м и валовой вместимости в 80 т «Виллем Баренц» получил усиленный корпус и форштевень, окованный железом. Толщина обшивки в районе ледового пояса достигала 150 см. Позади грот-мачты имелась лебедка для подъема научного оборудования. Запасы были рассчитаны на 18-месячное пребывание в море и включали 19 т провианта, 25 т угля для камбуза и каютных камельков, 6 т пресной воды и 8 т прочих материалов. Основную